

МИНИСТР ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ по национальной политике, внешним связям, печати и информации Джамбулат Вахидович Умаров отметил 50-летие. Вечер, посвящённый юбилею, состоялся в Государственном театраль-но-концертном зале города Грозный.

Поздравить Джамбулата Умарова пришли Гла-ва Чеченской Республики, Герой России Рамзан Кадыров, Председатель Парламента ЧР, Герой России Магомед Даудов, члены Правительства и депутаты Парламента ЧР, главы администраций городов и районов, представители политических партий, общественных и религиозных организа-ций, члены Академии наук Чеченской Республики, Союза журналистов и Союза писателей Чеченской Республики, представители этно-культурных авто-номий, известные деятели науки и культуры стра-ны, друзья, родные и близкие юбиляра.

На чествование своего друга, возглавляющего чеченское отделение Изборского клуба, приехал Александр Проханов.

Рамзан КАДЫРОВ, Асият УМАРОВА, Джамбулат УМАРОВ

Государственный ансамбль танца «Вайнах»

ТРИУМФ ДЖАМБУЛАТА

Знаковое событие в жизни Чеченской Республики

Высоко оценив политическую, научную и творче-скую работу юбиляра, Рамзан Кадыров сказал: "Мы чувствуем не министра, а широко известного в России и за рубежом писателя, поэта, публициста и филосо-фа. Его глубокие знания в области востоковедения получили всеобщее признание. Джамбулат Вахидо-вич — уникальный человек, видный представитель команды Первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова. Он никогда не думает о наградах, славе, почестях. Для него важ-нее всего честное служение нашей Родине — России.

Выступления Джамбулата Вахидовича на круп-ных форумах не оставляют равнодушным ни од-ного человека. Под его авторством вышла серия интересных документальных книг. Являясь верным и преданным сыном Отечества, Джамбулат Умаров честно и объективно доносит до всего мира правду о нашем народе. Он предоставляет реальную кар-тину событий и процессов, происходящих сегодня в Чечне и далеко за её пределами. Джамбулату Ва-хидовичу удалось доказать, что чеченцы — куль-турный и трудолюбивый народ России, уважающий свою историю и духовные ценности, желающий жить в мире, единстве и согласии со всеми наро-дами нашей любимой Родины".

Глава ЧР объявил, что за создание произведе-ний публицистики, получивших широкую извест-ность и признание, Джамбулату Умарову присвое-но почётное звание народного писателя Чеченской Республики.

Отмечен был и вклад Джамбулата Умарова "в развитие парламентаризма и законодательство Че-ченской Республики, деятельность по укреплению гражданского общества и активную общественно-политическую работу": спикер законодательного органа ЧР Магомед Даудов наградил юбиляра орде-ном "За развитие парламентаризма в Чеченской Республике".

Мать Джамбулата Вахидовича, Асият Умарова, за образцовое воспитание сына удостоена медали "Ненан Сий" ("Материнская слава").

Сам Джамбулат Умаров отметил, что Ахмат-Хаджи Кадыров и Рамзан Кадыров сыграли боль-шую роль в становлении его как писателя и вос-токоведа: "Человеком, который отправил меня в Тунис для того, чтобы я был именно востоковедом, был Ахмат-Хаджи Кадыров. Продолжая путь свое-го отца, Рамзан Ахматович посчитал, что мне не-плохо было бы заняться публицистикой. И объяс-нил это очень просто: "Если ты складно говоришь, я подозреваю, что ты складно пишешь. А ну давай, начинай". Вот так и началось! Я рад тому, что мы все собрались. Особую гордость я испытываю из-за того, что Рамзан Ахматович здесь с нами. И я хочу сказать вам от всего сердца: к этому творче-ству в первую очередь приложил руку мой дорогой брат, Герой России, Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, благодаря которому эти слова легли в основу тех песен, которые вы сегодня ус-лышите".

Александр Проханов, обращаясь к другу, ска-зал: "Дорогой Джамбулат. Природа и Господь на-делили тебя огромными дарованиями. Ты — вос-хитительный пиит, неповторимый песнопевец, блистательный философ, богослов, оратор, заме-чательный вития. Но среди всех этих дарований у тебя есть одно удивительное озарение, которое человеку даётся не благодаря его усидчивости, чтению книг, не благодаря его беседам с многому-дрыми людьми. Это даётся как откровение. Тебе в твоей поэзии, в твоих беседах дано интерпретиро-вать таинственные, грозные, священные явления, остановившие в Чечне бой. Ты своим мистическим чувством понял, как Владимир Владимирович Пу-тин и Ахмат-Хаджи Кадыров отыскали друг друга в той крошечной кровавой бойне среди грохота танков и воя самолётов, как отыскали такие сло-ва, которые заставили и того, и другого остановить чудовищный натиск истории, готовый испепелить чеченский народ и разрушить государство Россий-ское. Эта таинственная сила, это неведомое явле-ние в твоих устах обретает волшебную религиоз-ную притчу, как будто бы два человека для того,

чтобы сказать друг другу эти слова, поднялись на небеса. И в стороне от людских стонов, негодова-ний, ложных или правильных советов они словно уединились в райских кушах и сказали эти слова. И рядом с тем и другим — рядом с президентом Путиным и Ахматом-Хаджи Кадыровым — был не-кто третий: невидимый, великий, таинственный. И он позволил им соединить эти удивительные каче-ства и остановить крошечную страшную историю. Ты посвятил этому толкованию свою судьбу, своё мышление и свои богословские дары. Ты объяс-няешь, почему Чеченская Республика и чеченский народ достигают и будут дальше достигать всё большего совершенства, находясь в недрах госу-дарства Российского. И почему для государства Российского Чечня является драгоценной звездой, бесценным бриллиантом, без которого наше госу-дарство не мыслит себя, без которого Россия была бы не полна, и она ощущала бы свою недостаточ-ность и свою недовосприимчивость.

Во время моих бесед с Рамзаном Ахматови-чем Кадыровым был один эпизод. Мы обсуждали явления наших времён, и я попросил: "Рамзан, по-кажи мне свой автомат". Рамзан послал поручен-ца, и тот принёс автомат. Рамзан Ахматович пере-дал мне оружие. Я принял этот автомат. Это было боевое оружие: у него было стёртое цевьё, облы-севший приклад, воронёный ствол во многом утрат-ил своё воронение и сверкал стальным серебром. У него было два рожа, два "магазина" были пол-ны, скручены синей изоляционной лентой. Когда я принял этот автомат, то понял, что мне оказано удивительное доверие, ведь своё оружие никому нельзя доверять. Ты с ним сражаешься, ты с ним умираешь. Я посмотрел на него и с благоговением вернул его хозяину. Это было стрелковое оружие.

Джамбулат Умаров — это тоже оружие. Духо-вное оружие. Оружие, которое бьёт без промаха. Это оружие драгоценно для чеченцев и русских. Это огромный дар. Это оружие нужно берегать и охранять, как может быть, берегают и охраняют наши гиперзвуковые ракеты. Джамбулат — явле-ние уникальное. Оно даровано нам всем за какие-то нынешние или будущие заслуги.

Не забыть, как Джамбулат, приезжая в Москву, шёл выступать на радио "Эхо Москвы". Я говорил ему: "Ты нарушаешь заповеди, которые говорят: блажен муж, не идущий на совет нечестивых. И ещё одна заповедь: не ходи в дом врага". Он пошёл. И он говорил с ними своим пламенным страстным языком. Он говорил о величии чеченского народа, о величии чеченских традиций, о космичности че-ченского народа, о его красоте и благородстве. И никто не смел ему возразить, все стихали под на-пором его страсти.

А потом я слушал тебя, Джамбулат, в храме Христа Спасителя на Всемирном русском народ-ном собрании. В президиум этого благородного со-брания были Святейший патриарх Московский и всяя Руси, высшие чины администрации. Выступа-ли владыки, философы, русские националисты. А потом вышел ты. И произнёс потрясающую речь. Когда ты говорил о Чечне, о русских, России, тебе внимали. Когда ты кончил говорить, тебе аплоди-ровали величественные владыки, аплодировали казаки, крича "любо"...

Ты сам не понимаешь, какая ты звезда, ведь звёзды не знают, какой свет они излучают. Твори, дерзай. Мы — твои братья, твои обожатели, твои ученики. Храни тебя Господь".

В рамках празднования была устроена книжная выставка, где можно было ознакомиться с науч-ными и литературными трудами Джамбулата Ума-рова. В концертной программе прозвучали стихи, песни на слова юбиляра в исполнении заслужен-ных артистов России и Чеченской Республики, дет-ского хора. Потрясающим великолепием исполнения и национальными костюмов государственный ан-самбль танца "Вайнах".

Долгая лета, дорогой Джамбулат!

Екатерина ФЁДОРОВА

"Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет".
Александр ПУШКИН
об английском обществе
времен Адама Смита.

ГОВОРЯ О XVIII СТОЛЕТИИ, мы подразумеваем две точки сборки: просвещение и галантность. "Нет, ты не будешь забвенно, столетие безум-но и мудро", — поскрипывал перышком Александр Радищев, а Бомарше ему вторил, правда, в своём духе: "Тут емо-шался глас рассудка с блеском лёгкой болтовни". Нам представляется не то легкомысленный роман о похождениях и дуэлях, не то — унылый и нечитабель-ный трактат учёного-энциклопедиста, некогда — смутяна, а по прошествии эпох — такого же скучного, как и все

торые перемещались по миру, прихав-тившие драгоценности очередной супруги. Цвёл пышным цветом и промышленный шпионаж — англичане всегда любили животных и стремились увековечить своих бассетов и грейхаундов. Выстав-ка позволяла убедиться, что Гейнсборо был едва ли не первооткрывателем пейзажной лирики, давая матушке-природе выступать характерным действующим лицом. "Портрет джентльмена с соба-кой в лесу" — это триединый смысл, где юноша-лорд со слегка растрёпанными буклями написан вместе с верным псом и на фоне изумительнейшей природы. Наш интерес к розовощёкому парню в элегантном камзоле тут же смещается в сторону собачки, чтобы затем раство-риться в осенней, только что начинаю-щей желтеть листве.

Уровень изображения "братьев наших меньших" до XIX века в целом хромал, поэтому такой прорыв не остался неза-меченным — англичане всегда любили животных и стремились увековечить своих бассетов и грейхаундов. Выстав-ка позволяла убедиться, что Гейнсборо был едва ли не первооткрывателем пейзажной лирики, давая матушке-природе выступать характерным действующим лицом. "Портрет джентльмена с соба-кой в лесу" — это триединый смысл, где юноша-лорд со слегка растрёпанными буклями написан вместе с верным псом и на фоне изумительнейшей природы. Наш интерес к розовощёкому парню в элегантном камзоле тут же смещается в сторону собачки, чтобы затем раство-риться в осенней, только что начинаю-щей желтеть листве.

УРОКИ АНГЛИЙСКОГО

Выставка полотен Томаса ГЕЙНСБОРО в Пушкинском музее

иные. Культ разума и поиски очарова-тельных случайностей, опыты по физи-ке и — забавные пёски, философы-математики и — маркизы в шёлковых чулочках. Это — галлоцентричный мир; всё вертится вокруг Парижа да Версаля. Пудры, капризы и физика с лирикой — рождаются во Франции и перенимаются населением Старого и Нового Света.

Но! Британская цивилизация — вечная соперница континентальной Европы — жила по иным законам. Точнее — по иным канонам. Если рас-сезанно созерцать портреты людей в треуголках и кружевных жабо, то может показаться, что везде-то царило одно и то же. Вот вам баронесса в деколь-тированном платье с розой у корсажа, а вот и умница-остряк с книжками, но в косматом парике, вышедшем из обихо-да ещё при королеве Анне. Безусловно, кареты и манжеты в Лондоне, Париже и Санкт-Петербурге — имели прибли-зительно одну и ту же форму. Но есть нюанс! Экономика и сопутствующий ей образ бытия. По части производства и техники Англия стояла выше на целую ступень, а уж в области "неотъемлемых прав личности" слыла идеалом для та-ких персон, как Вольтер. Но как это ча-сто бывает, минусы оказывались столь-же крупными, как и порождавшие их плюсы.

Тотальная свобода печати и всемер-ное развитие прессы формировали кли-ку отвязных и беспардонных памфле-тов, ничем не гнушавшихся. Пиши о ком угодно и — отвечай кровью. Иногда кого-нибудь находили под мостом с пе-ререзанным горлом и небрежными сле-дами ограбления. Кто будет доискивать-ся? А ты решил открыть кофейню и уже начал процветать? К тебе потянулись шёголы в кружевах и расфранченные модистки в поддельных фермуарах? Конкуренты запросто подожгут уютное-кое заведение и назовут ты — бан-крот. В театральном ложе Дюри-Лейн появилась итальянская герцогиня, со-рящая дукатами? Будьте уверены, что это — хитроумная жульница, и всё-то на ней ворованное, включая шёлковые башмачки с бриллиантовыми пряжками. В Лондон и Бат — один из главных ку-рортов Европы — стекались машинато-ры всех специальностей: от карточных шулеров до фальшивомонетчиков и "профессиональных" многоженцев, ко-

кружили голову, но при том — опасности подстерегали на каждом шагу.

В ГМИИ имени А. С. Пушкина откры-лась выставка полотен Томаса Гейнс-боро, чью "Даму в голубом", где всё внимание отдано высоченной куафюре а-ля Мария-Антуанетта — мы знаем с детства. Первая мысль, посещающая гостя: "Экспозиция бедновата" — нет ключевых шедевров и тех узнаваемо-любимых вещей, ради которых захо-телось бы выстоять очередь под серо-бурым декабрьским небом. Однако же эстетам и поклонникам осьмнадцатого столетия — тут есть, чем усладить взо-ры. Проект имеет целью предьявить Томми Гейнсборо — ремесленника и бизнесмена: живописца, долгие годы обслуживавшего лордов, актрис Ко-вент-Гардена и разбогатевших торго-вцев какао-порошком. Скорость, с ка-кой мастер Томас писал возвышенные лица и тончайшие ткани, ужасала и бесила соперников, особенно Джошуа Рейнольдса — непрееркаемого гуру-портретиста и завсегдатая королевских дворцов. Оба мастера всю жизнь кон-фликтовали: Рейнольдс полагал, что Гейнсборо — коммерсант и недоучка; тогда как Гейнсборо высмеивал акаде-мическую спесь Рейнольдса (тот был Президентом королевской академии художеств).

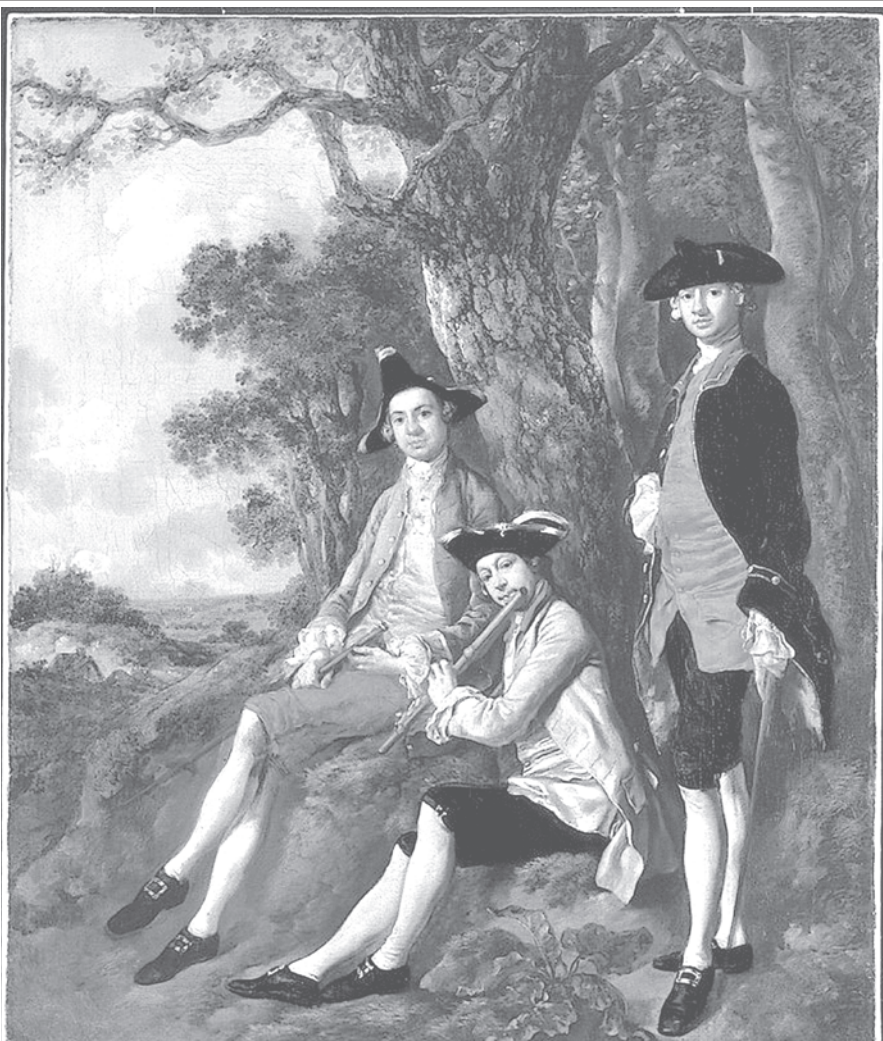
"Теперь в моде одна живопись. В на-стоящее время прослыть знатоком это-го искусства — значит получить доступ в самое избранное общество. Тот, кто для доказательства тончайших может сослаться на собрание редкостей или коллекцию картин, с равным успехом мог бы похвалиться своей кухонной у-варью", — констатировал Оливер Голд-смит, мудрейший прозаик и насмешли-вый драматург. Он из одного поколения с Гейнсборо, а потому хорошо предст-авлял себе английский modus vivendi.

Итак, наш герой появился на свет в многодетной семье торговца сукном из Садбери. Рано принялся рисовать, ле-пить, дерзить, после чего был отпущен на вольные хлеба в город Лондон. В са-мом юной возрасте (с тринадцати лет!) мальчишка перепробовал ювелирное дело, рисование вывесок и зазываю-щих плакатов, сотрудничал с гравё-рами, учился живописи (чему-нибудь и как-нибудь), а первой его серьёзной картиной был портрет бульетьера.

"Лесной пейзаж с фигурами и мо-стом", "Пейзаж со старым крестьянином и осликами у сарая", "Рыночная повоз-ка" — это не просто фиксирование пле-нэра, но заинтересованное постижение среды. Англичане задолго до остальных европейцев научились распознавать настроение времён года, притом не связывая это с аграрным календарём. Из Англии эта мода на "ландшафты" и заброшенные (якобы!) сады — пере-кинулась и в Россию, сделавшись бла-годатной почвой для сентиментализма. Расхожий лозунг Жан-Жака Руссо "Назад к природе!" — имел под собой атлантику манеру. Сюрпризом для по-сетителей являются пейзажи на стекле, которые художник создавал, используя световую подложку. В XVIII веке всех волновал синтез науки и творчества; в салонах и балаганах показывали "вол-шебный фонарь", "картинки на стене" — отдалённый прообраз диафильма. Гейнсборо тоже оказался не чужд акту-альных увлечений. Скрупулёзно выпи-санные дома с окошками, леса, тёмные горы источают мягкий или — зловещий свет, что изумляет и нас — потомков, перекормленных спецэффектами.

Генеральным направлением Томаса Гейнсборо были репрезентативные портреты, где приходилось являть кра-соту и сглаживать рыла торгово-про-мышленных боссов или воспеменять полубоиморочных леди, выросших на Девонширском болоте. Возник целый типаж — "гейнсборовские дамы": все-непременно тонкие, лиричные, с румян-цем, будто бы освещающим изнутри фарфоровую кожу. Таков "Портрет Лу-изы Скайрин, леди Кладж" — бледнющая, небесно-чарующая девушка играет на арфе — супермодном инструменте сре-ды образованной знати. Неясно, умеет ли мадам извлекать звуки, или это всего лишь поза и дань популярным увле-чениям: взгляд её направлен куда-то мимо нас и даже мимо струн. (Аналогичный русский портрет Глафиры Алымовой, написанный Григорием Левициным — смотрит куда как живее. Всё-таки при-ходит понимание, что Левицкий созда-вал шутный товар, а Гейнсборо стоял на конвейере).

Бизнес есть бизнес! Часто мэтру приходилось дорисовывать и прилага-вать дополнительные объекты, дета-ли и фигурки людей, спустя несколько

Портрет Питера Дарнелла Миллена, Чарльза Крокетта и Уильяма Кибла на фоне пейзажа (ок. 1750 г.). Художник Томас ГЕЙНСБОРО

лет после сдачи клиенту результатов. Так, парный портрет Джорджа и Луизы Байем — изначально был дивно-гар-моничен: мужчина и женщина, одетые с выверенной изысканностью; кавалер показывает леди свои владения. И вот через три года Гейнсборо снова по-беспокоен — ему предстоит "вписать" маленькую дочь в этот устоявшийся ансамбль. Если не придираться — оно выглядит нормально, будто бы так и за-думанно. Чуть задерживаешь взгляд и понимаешь — ребёнок из параллельной плоскости, как случайное привидение, нарочитое пятно средь беседующей пары.

Таков и парадный "Портрет миссис Элизабет Мули с сыновьями, Массо-элем и Томасом". История этого по-лотна — занимательная и печальная. И вместе с тем — обыкновенная. Томная, долгоногая красавица была на портре-те одна — вся убитая дороговизнами, судя по всему, индийскими тканями, с высокой причёской. Бело-голубая неж-ность на фоне пейзажной лирики. Потом у миссис родились сыновья и когда она, увы, скончалась, то супруг велел худож-нику "пририсовать" Самюэля и Томаса в эту же композицию. С нашей точки зре-ния — сушая дикость: живые сыновья на руках фактически мёртвой матери. Это ещё одна инфернальная особенность британской культуры — век спустя они освоят post-mortem photo, где примутся фотографировать своих почивших ро-дственников — на долую и патетичную память. Гейнсборо, как, впрочем, и лю-бой другой востребованный мастер, мог быть вызван сухим, требовательным

письмом: прибыть, переделать, полу-чить некоторую сумму.

Фактически у каждого художника, даже если он пишет господ на фоне бар-хатных драпировок и стеснён желаниями заказчика, всегда есть любимый цвет или оттенок. У Гейнсборо это — сине-зеле-но-голубой. Он встречается едва ли не чаще иных, и кажется, что автор смел на-стаивать на этом колере — цвете моря и фантастической англосаксонской мечты. Данная, но вовсе не злая Хэрриэт, виконтесса Трейси, выступает в таком наряде — она сама напоминает мор-скую пучину, в волнах пенистых кружев, и атласные переливы бального платья греются отблеском экзотических южных морей. Тут — "Портрет капитана британ-ского флота Джона Уитмора Четвинда" — мужественное и при этом — благородно-тонокостное лицо. Морские волки — они были романтиками и циниками, поэтами и — убийцами. "И, взойдя на трепещущий мостик, / Вспоминаю покинутый порт, / Отряхнув ударами трости / Ключья пены с высоких бортфорт", — витийствовал Ни-колай Гумилёв в ту лютую эпоху, когда все кошмары и мерзости века галантного представлялись волшебной иллюзией.

Рождается вопрос: где же мистер Гейнсборо был самим собой, где не под-страивался под настроение очередного лорда, академика или преуспевающего адвоката? Взгляните на личики его до-черей или в умные и невыносимо груст-ные глаза его жены Маргарет, к слову, побочной дочери герцога де Бюфора. Но это уже совсем другая love-story.

Галина ИВАНКИНА

АПОСТРОФ

Игорь БОЙКОВ. Кумач надорван-ный. Роман о конце перестройки. — М.: Книжный мир, 2019. — 512 с.

30 ЛЕТ минуло со времени I съезда народных депутатов СССР, наметившего путь к но-вой России. Тогда мало кто понимал размах по-следствий. Октябрь был далёко в прошлом, а о нюансах сопутствующих бед никто не думал. Надежда пополам с ожидани-ем, на фоне пустынных полок и тревожного предчувствия перемен. Что-то будет, а что будет — неясно. Между тем, по всем этажам и закулкам огромного социума надвигался "беспредел", потому концы 80-х для нас — "во мгле". Как жили тогда люди, чего хотели, о чём мечтали? Выжи-вали с грехом пополам, но неизбежно верили. Такое у нас историческое вос-питание: завтра должно быть лучше, а значит — всё переживём.

Роман Игоря Бойкова "Кумач надор-ванный" — как раз о том времени. О "перестройке". Публицистики о ней написано много, но вот писатели жа-луют эту тему не часто. Разве в детек-тивах, чтобы бандиты, милиция, мил-лионы, перестрелки, красота и неубиваемый герой. "Экшн" в книгах и фильмах давно вошёл в привычку. За-щитная реакция от скуки и тоски на-метилась в позднем Союзе, а в "Новой России" стала нормой. В "Кумаче" не так: жизнь — как у десятков миллио-нов, с виду обычная, но иначе; со своей интригой, драматизмом и лабиринтами испытаний. Подчас для та-кого быта надо поболее воли, чем пи-столетом махать и честию крушить.

Россия, во всех вариантах за тысячу лет — крайне политизированная страна. Власть и народ настолько связаны, что любое решение верхов отдаётся вниз, а уж излом советской страны отразился во всех судьбах. Так и в романе: семья Ештокинских вовлечена в омут политиче-ских реформ. В этом плане звучит важ-ная нота — наш вечный конфликт взгля-дов, а меж взрассекающими детьми и родителями — повсеместно за полтора века. Несогласие — как бич, и разбече-ние поколений преследует нас до сих пор. Может — надменность взрослых, может — идеализм молодых, а может — искажение под давлением Кремля. Жизненный опыт внушает взрослым нужный стереотип, а юность не разу-мее под родительским крылом, да и не может, пока не испытает на своей шкуре все тонкости гибкой этики рабочего коллектива: завод ли это, научный ин-ститут, офис или партия. А случись пе-релом эпох — то всё общество лихора-дит озноб.

Отсюда другая важная черта — не-готовность к реформам. Они всегда застают врасплох, и пока сообразишь, что надо, — поезд ушёл. Сейчас бо-лее-менее ясен механизм, хронология и цели реформ, а в 80-х — ничего определённого. Никто даже не заме-тил "четвёртую революцию", хотя слышали, читали, видели с экрана, как подобное происходит. И однажды всё повторится вновь, да и было уже: декабристы, отмена крепостного права, купеческо-промышленный бум, Октябрь-17, ГУЛАГ или хрущёвская оттепель. Кто прав, что делать, как нискак хлеб насыщенный, чем унять совесть? Читаешь "Кумач" и поневоле думаешь: а если всё повторится — я-то готов, я-то знаю, что нужно?

Читая роман, остро ощущаешь по-ступь времени, а Ельцин, Горбачёв, Хасбулатов или Язов — вроде на пе-риферии, но рядом. Кто-то помогал, кого-то отвращало, а кто-то уже да-вился от дикого рынка. Те либералы-демократы ещё наивны, носятся на энтузиазме, верят в молочные реки, хотя уже вязнут в кисельных берегах. Этот фантомный порыв к свободе скоро придушит большинство, но мно-гие упирались, что курс — верный. Ясно: ошибки, заблуждения и очеред-ной авторитаризм. Но здесь ещё и не-явный вопрос: если наша реаль-ность — из "перестройки", то ради чего всё это было?

Прошлое — всегда странно, чуть отсталое, где-то экзотично, неуютно, но если матрица — одна, то современ-ное и прошлое отличается лишь фасад. Полезно глянуть на последние меся-цы советского краха, хотя читали не раз. Не очень комфортно, чуть тягуче, без привычного сюжетного драйва и под скрежет реализма. Мы давно сытно живём, есть развлечения и планы, и вроде — хозяйева своей судьбы, а вникнешь, увяжешь с ре-формами нулевыми, и вот она — неиз-бежность. Ты лишь втиснулся в нишу за хороший оклад, но привык юлить и готов других поучать. "Кумач" в этом смысле — как зеркало.

Герои романа сквозь два нелёгких года в параллель истории: неудачи, последствия первой любви, личный выбор, все это испытали, и будто события тех лет уже далеки... Так нет, наша стабильность — как Союз 80-х, а в подкладке, то здесь, то там — ана-логи "хлопкового дела" и "процесса Шёлкова". А в головах вождей — схожая реальность: там понятия "для себя" и "для всех" чётко разделены. Порой слышим прогнозы про "трико-лор надорванный", контекст не прин-ципиален. Угроза снаружи, угроза внутри, хороший царь наверху и зна-комая вонь отовсюду. Риторика не меняется. Обновление и ускорение, модернизация производства или оп-тимизация управления скрывают не-что иное, а по факту — реформы ло-мают хребет страны. Нам это надо? А кто спрашивал? Амбиции власти, по-литический шантаж, нелепая идеоло-гия, аморфность, русское "авось", психология жертвы и вторичная ди-кость — всего понемногу тогда и те-перь, а в итоге — надежда пополам с ожиданием на фоне переполненных полок, нехватки денег и тревожного предчувствия перемен...

Олег СУДАКОВ (МАНАГЕР)

Вера ГАЛАКТИОНОВА.

Собрание сочинений
I том "Восстание праха" (изд. "Русский мир")
II том "От четырёх ветров приди" (изд. "Русский мир"). Справки по тел. 8 (909) 629-26-81.
III том "Чаша врагу" (выпущено Товари-ществом научных изданий КМК). Справки по адресу info@avtor-kmk.ru